

Ноймайер Джон
(хореограф)

17.09.09

Джон Ноймайер: диалог с Большим театром

Живой классик хореографии любит стихи Евтушенко

Независимая - 2004 - 17
сн. - с. 12.

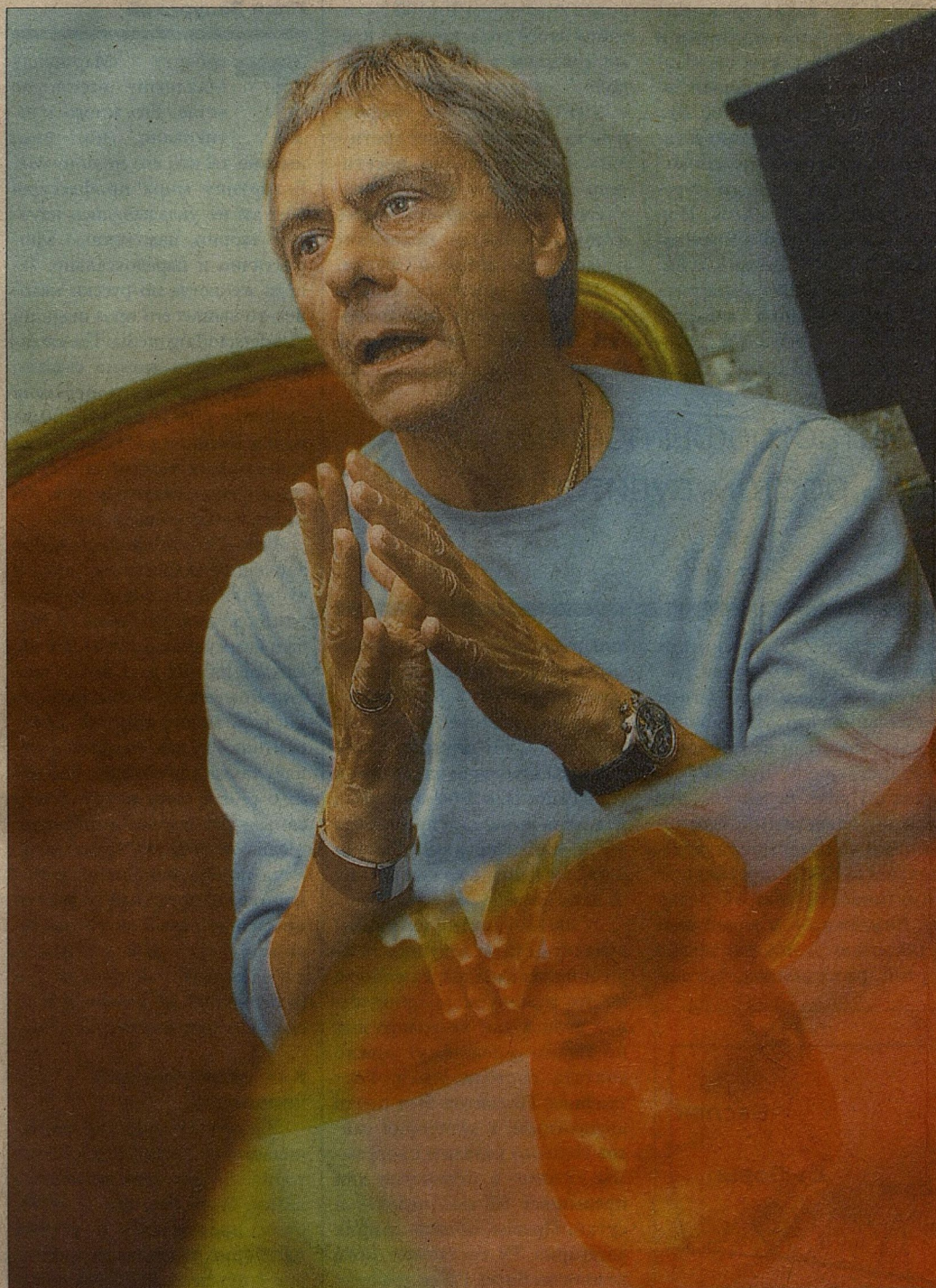
Майя Крылова

Балеты Джона Ноймайера идут на лучших сценах мира. Теперь его спектакль появится и в Москве. Большой театр приступил к репетициям спектакля «Сон в летнюю ночь», премьера назначена на декабрь. Знаменитый «европеец из Америки» (Ноймайер родился в штате Висконсин), руководитель Гамбургского балета, ненадолго прилетел в столицу, провел первые репетиции с московской труппой и дал интервью обозревателю «НГ».

Господин Ноймайер, вы думали несколько лет, прежде чем согласились сотрудничать с Большим театром.

— Мой диалог с Большим начался в 1987 году. Тогда, после длительного периода Юрия Григоровича, в театре начали происходить быстрые перемены. Каждый раз начинались переговоры — и вдруг новые люди в руководстве балетом! Мой график работы расписан на три года вперед, а в Большом хотели, чтобы наше сотрудничество строилось по принципу «сейчас или никогда». Нынешняя администрация подошла к делу серьезно, заранее предложив мне точное расписание. Я ценю такое отношение. Самое важное в работе — не деньги, а диалог, вот это чувство: что Джон Ноймайер творчески получит от работы и что он может дать сам. Поэтому я хотел заранее посмотреть спектакли Большого, что и сделал прошлой зимой в Париже и этим летом в Лондоне, во время гастролей театра. После этого я предложил название московской постановки.

— Вы выбрали свой давний балет «Сон в летнюю ночь», как бы подтвердив расхожее мнение: танцовщи-

Джон Ноймайер не признает неконтролируемых чувств на сцене.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

кам Большого театра «по зубам» только сюжетные спектакли, вот и Ноймайер не доверил им, к примеру, что-то из своего знаменитого цикла

балетов-симфоний на музыку Малера...

— Я доверился своим инстинктам, они подсказали, что я должен поставить одну из моих

больших «драматических» работ. Я хочу дать московской публике что-то типично мое и в то же время показать что-то, что будет более приемлемо.

— А не было желания поработать в России над балетом на русскую тему, например, «Чайкой» по Чехову?

— Я думал об этом. Не знаю, можно ли об этом говорить сейчас, но другая московская балетная труппа, в Музыкальном театре, очень хочет «Чайку». И не исключено, что театр получит такую возможность.

— После кастинга исполнителей вы отобрали звезд Большого: Светлану Захарову (Титания), Николая Цискаридзе (Оберон), Яна Годовского (Пэк), Марию Александрову, Сергея Филина, Андрея Уварова и Инну Петрову на две пары влюбленных...

— Вы знаете больше, чем я. Те люди, которых вы упомянули,

— чудесные танцоры. Но пока могу сказать одно: я выбрал по три-четыре человека на каждую партию. В списке участников, который у меня есть, написано — «предварительный состав». Об остальном спросите меня в декабре, тогда станет ясно, кто будет танцевать премьеру.

— Когда в Большом театре ставили балеты Баланчина, все говорили: «Главное — поймать баланчинский стиль». Вы задумывались над тем, что такое «стиль Ноймайера»?

— Сложно определить, что такое мой стиль. Хореографический язык моих спектаклей бывает очень разным. Но в чем общие черты? Мои балеты построены на равновесии ансамбля, совсем не так, как балеты позапрошлого века, с их пирамидальной структурой — прима-балерина во главе, солисты в середине и масса кордебалета в основании. Я требую от артистов видеть и честно передавать эмоцию. Не признаю неконтролируемых чувств на сцене.

— Что вам дала русская культура и как она повлияла на ваше творчество?

— В молодости я увидел фильм с Улановой в «Ромео и Джуль-

етте» и поразила ее человечности. Потом Чехов открыл мне дверь в вашу культуру. И все, что связано в МХАТом. В университетские годы я работал в театре, мы много изучали Станиславского. Конечно, я обожаю Вацлава Нижинского, гениального танцовщика, и мир вокруг него, тот исторический период. Моим учителем в балете была потрясающая русская женщина Вера Волкова. Еще Толстой, Достоевский... И Евтушенко.

— Правда?!

— А вам он не нравится? Я познакомился с его стихами в переводах, когда был очень молодым человеком. Тогда в Америке Евтушенко воспринимался как глоток свежего воздуха, повеявшего у вас после Сталина.

— В университете вы получили звание бакалавра по английской литературе. Это помогает вам в работе?

— Конечно, но иногда, наоборот, мешает. Я же не могу исходить из книжки, когда начинаю работу над балетом, пусть даже и по литературному произведению. Сочинение балета — не приготовление пищи по кулинарной книге. Все начинается с интуиции. Потом приходит интеллект. Я могу многое изучить по избранной теме, но когда начинается работа с танцорами в зале — существует только музыка, артист и я.

— У вас одна из крупнейших в мире частных балетных коллекций.

— В моем родном городе Милуоки не было балетного театра. Но я хотел говорить о танце, чтобы поверить, что это искусство действительно существует. Так я начал коллекционировать — и сошел с ума. Теперь у меня и впрямь огромнейшая коллекция: десять тысяч томов, тысячи театральных программ, четыре тысячи литографий, огромное количество фотографий, бронза, фарфор, акварели... Я надеюсь все подарить своему городу.